

Арктический порт

Жить на берегу моря — это жить на берегу бесконечности. И, хотя древние мореплаватели не знали этого раскатистого, устремлённого в даль слова — бесконечность, но я уверен, что именно это они и чувствовали, когда вглядывались в предрассветную дымку на горизонте. Именно это — суровую неизвестность и бесконечность — ощущали и финикийские купцы, и восточные маори, и полинезийские рыбаки на своих неустойчивых катамаранах «**проа**», и гребы первых греческих триер, отказавшихся устремиться за горизонт казавшегося тогда бескрайним Эгейского моря.

С тех пор прошло много лет. Уже давно рассылался в плахиую галку тот утёс, с которого бросился в море царь Эгей, когда увидел, как корабль его сына возвращается под траурным чёрным парусом. Уже давно не заманивают сладкоголосые сирены мореплавателей **Средиземного** моря — их место заняли проститутки маленьких портовых городков.

И только в одном месте это первобытное ощущение — суровой неизвестности и бесконечности — осталось в своём первоначальном виде. Это место — арктический порт.

Арктический порт — это совсем не то, что порт южный. Тёплые моря давно приручены человеком. Поэтому южный порт шумный, весёлый и разноязыкий. Как писал когда-то Александр Грин, он издает "на обрывках скал и холмов, соединяемых ледниками, мостами и вентобразными узенькими тропинками. Все это завалено сплюснутой густой тропической зеленью, в веерообразной тени моторой блещат детские, пламенные глаза женщин... Желтый камень, синя тень, живописные трещины стен; где-нибудь на **Бутробрадном** дворе — огромная лодка, чинимая босонгими, трубку покуривающим мелодиком; пенie вдали и его эхо в овраге; рынок на сваях, под тентами и огромными зонтами; блеск оружия, яркое платье, аромат цветов и зелени, рождающий пустую тоску — о влюблённости и свиданиях; гагань — грязная как молодой трубочист; свисты парусов, их сон и крылатое утро, зеленая вода, скалы, даль океана; ночью — магнетический пожар звезд, лодки со сменяющимися голосами!" — такой южный порт.

Порт северный — совсем другой аскетичный, сосредоточенный, и, главное, **белый** — лишь крики чаек вместо разноязыкой, смеющейся и ругающейся какофонии его южного собрата. С ним не нужно слов — и я чувствовал его, как чувствуют молчаливого, но надёжного друга.

Вместо южного, слепящего от солнечных бликов, моря — здесь серое, суровое, уходящее в северную дымку, пространство Арктики. Оно похоже на космос. Северный порт потому и суров, что находится прямо на берегу этого Белого космоса.

И действительно, как только я спустился на палубу ледокола "Капитан **Дранин**", я почувствовал себя космонавтом, отправляющимся на международную космическую станцию. С этого момента я думал лишь о нём — о Белом космосе Арктики. Я думал о нём и когда наш ледокол, словно космический корабль, стартовал в эти бескрайние ледяные пространства. И когда за кормой уже сыркнул в снежной дымке мой молчаливый друг — северный порт. И когда, уже в пути, коварные сумерки сменились темнотой полярной ночи и мы двинулись в космической черноте, в которой лишь звёздное небо поднимало над нашими головами зелёное знамя северного сияния. Мы шли на север — туда, где на орбите дрейфующих вокруг полюса льдов, нашу команду учёных ждал замороженный в лёд научный корабль "**Полярстерн**". Там я должен был присоединиться к арктической зимовке экспедиции «Мозаик».

Северный морской путь

Плыть на ледоколе — это совершенно другие ощущения, чем плыть на обычном корабле.

Обычный корабль идёт плавно, мотор урчит и, если есть волнение, то он покачивается на волнах, тянет идущих по палубе — то вправо, то влево.

Со всем другим лед ледокол. Это вообще больше похоже на поведку на огромном грузовике, чем на корабле. Вместо качки тут — особенные, характерные только для ледокола, толчки.

В круглосуточной темноте полярной ночи я лежал в тесной каюте и ощущал, как в окружающей ледяной пустыне трескаются под нашим напором двухметровые льды. Толчок вперёд — значит треснул лёд. Потом ледокол трётся, вклиниваясь в толщу что созданную трещину. Потом снова толчок. Словно медленное тиканье гигантских арктических часов.

А иногда — **р-раз** — и часы ломаются, появляются другие толчки, среди тем, когда хлопнет или сосканикает со слишком высокой передачи взбирающийся в гору автомобиль. Чувствуется как эти движения точны идут снизу, из самых глубин ледокола. Они означают, что даже мощное машинное отделение не справилось — мы застряли. Тогда ледокол останавливается, не спеша даёт задний ход, замирает на минуту, словно сосредотачиваясь, и, снова врываясь своими моторами, разгоняется и ударяется в непослушный лёд.

Тем временем, мы приближались к полюсу. Льды становились всё толще. Всё чаще ледокол не справлялся и ему приходилось вкоть лёд с разбега, переходя в режим гигантского перфоратора. Выхаживая с каждым новым разгоном, я инстинктивно нагибался, пытаясь и сам собраться в кулак для очередного удара... И, когда уже казалось, что imminent наступит момент, когда ледокол застрянет, не сможет, даже вот так, с наскока, разбить лёд — мы, наконец, прибыли: на горизонте показался замороженный в лёд научный корабль "**Полярстерн**" с разбросанными вокруг исследовательскими палатками. Ледокол, дав победный гудок, остановился. Пополнение команды учёных, в составе которых был и я, сошло на лёд. После шумной, но недолгой встречи, "Капитан **Дранин**", дав нам ещё один прощальный гудок, отправился назад, на землю. Он прошёл в ту зиму дальше всех дизельных ледоколов — до 88° северной широты.

Живой лёд

Первое, что меня поразило, как только стих вдали шум моторов "Капитана **Дранина**" — это какой-то вселенский покой. Пока ледокол двинулся, пока трещал под его напором лёд, работали двигатели — был шум и чувствовалось движение. Но вот, он ушёл и — всё затихло, остановилось. Уже через пару часов сомыкнулся, затонул его водный след — этот шрам на ледяной коже Арктики — и я оказался в странном, словно поставленном природой на паузу, месте. Время остановилось, и даже солнце, как и положено в полярную ночь, не восходило.

Погода в первый день была безветренная, и я почувствовал себя как в сказке про застывшее царство снежной королевы — ни единого движения вокруг. Природа, словно ластиком, стерла всё сущееся и живое, оставив, как в начале времён, лишь белый лист булэги.

Но, в первый же мой осязательный выход на льдинку, к исследовательскому оборудованию, я понял, что это не так. Оказалось, стоит лишь отойти от корабля — чтобы сплести голоса и шум дизель-генератора — и прислушаться к тишине...

...так сразу понимаешь, что лёд вокруг — живой. Что он постоянно движется, трещит, то там, то здесь, образуются и разрастает трещины, куски ледяного поля смещаются друг относительно друга — как смещаются континенты. Только гораздо быстрее — льды движутся как домашние черепахи — со скоростью около четверти километра в час. И мы на нашей льдине, как в древних легендах, живём на панцире такой белой беспокойной черепахи, которая ползёт то туда, то сюда, и трётся о панцири своих соседей.

Иногда этот треск льда в темноте полярной ночи был страшноват — ведь на многие километры вокруг не было никого, кроме нас и этих гигантских ледяных черепах...

Впрочем, и тут я был не прав. Через неделю выяснилось, что мы тут не одни — за нами наблюдают.

Полярный путешественник

Каждое утро, перед завтраком, я выходил на палубу — никак не мог избавиться от своей южной привычки: перед завтраком пить кофе на балконе, рассматривая просыпающийся город. В Арктике, конечно, кофе на свежем воздухе не выпьешь — после первого же глотка заледенеют и губы и чашка. Да и рассматривать в полярную ночь можно было лишь островок снега, выразившегося желтыми корабельными фонарями у окружающей тьмы. Поэтому, полив кофе в каюте, я, одевшись в полное обличение, брал в руки чашку чая с остатками кипятка, и выходил наружу. Там, размякнувшись, я выплескивал остатки кипятка вверх. Брызги, с шорохом, замерзали прямо в воздухе, превращаясь в облако ледяного пара, из которого на меня падал колкий снег.

И вот, выйдя однажды утром влохнуть морозного воздуха, я выглянул, как обычно, на безмолвную ночь, на снег, освещённый жёлтыми фонарями и... увидел на нём огромные следы.

На завтраке я рассказал об увиденном заинтересовавшимся компьютерщиком. Поев, мы сгруппились в северной, и, проматывая вперёд-назад запись камер наблюдения за **метеоприборами**, увидели-таки нашего ночного гостя. Это был огромный белый медведь. Он пришёл с востока, не спеша осматривая все **метеостановки**, и, ничего не поймав, отправился дальше на запад.

Удивительно. Лёд вокруг был толстый, на многие километры вокруг ни одной полыньи. Значит, охотиться на тюленей тут невозможно. Это был не охотник. Это был медведь-путешественник. Как верблюд, шёл он через ледяную пустыню, шёл многие дни, вместе с дрейфом льда, к каким-то новым берегам. Может быть, восход солнца застанет его в пригороде Лонгбэда — самого северного города в мире, где законом запрещено умирать; а может — в суровых фьордах **Каранеса**, где горят прямо из воды кимберлитовые трубы, по которым когда-то рвался из-под земли раскалённая лава...

А пока — он идёт, один, где-то в полной темноте, идёт, не отступая, прямо на запад. Я и потом часто представлял его — как он там, не устал ли, не отчаялся ли, не запаниковал ли, решив броситься назад?... Нет, я был уверен, что он продолжает идти — вперёд, к какой-то, наверное нежно ощущаемой им цели.

И теперь, когда и мне, на моём жизненном пути хочется повернуть назад — я вспоминаю его и, вздохнув, продолжаю идти вперёд, тоже к какой-то, часто неясной, но жужущей мечте.

Самые большие поля цветов

Зимой арктический океан полностью замораживает. Как известно, лёд пресный и, поэтому соль из его двухметровых ледяных покровов вытесняется вниз и вверх — и тогда вся ледяная пустыня оказывается усыпана соляными цветами. В темноте полярной ночи их не видно — идёшь по щиколотку в цветах и лишь тихим звоном рассыпаются они от каждого шага.

Если лечь на живот и посветить фонариком — становятся видны все эти чудесные заросли, похожие на превращённые в камень папоротники. Вспомнив, что такие цветы часто называют ледяными, я, отломив хрупкую веточку, попробовал её на вкус — нет, солёная.

Я всё ждал когда наступит полярный день — хотел увидеть Арктику, заросшую ледяными цветами — как степь весной. И когда, ко всеобщему ликованию, горизонт стал краснеть, а Арктика проясниться в сумерках, я заторопился в мои бескрайние цветочные поля.

В тот день я не нашёл ни одного цветка. Но, зато, я видел другое чудо: я заметил, как среди розовых облаков на горизонте появилась маленькая огненная чёрточка — начался восход.

А бескрайние цветочные поля исчезли. Сколько я не искал, в полярный день мне не удалось встретить ни одного цветка. Наверное, такие цветы могли бы стоять весь год, если бы их не сдувал, рассыпая миллионами еле слышных колокольчиков, ледяной арктический ветер.

Вечный ураган

Всё else всего в нашей экспедиции было метеорологам. Чего только не было в их игровом арсенале! И воздушные змеи для измерения температур и скорости ветра, и надувные шары — зонды, и даже небольшой беспилотный самолёт. Запускался он с двухметровых рельс, как ракета «Фау-2», с помощью которой немцы бомбили Лондон. После того как эти «ракеты» вымывала вьюса, метеоролог, словно и правда от воинской команды «Ложись!», падал спиной на снег и, смотря в небо, начинал терять жёсткий управления. Послушный его командам, **беспилотник** кружился, поднимался всё выше и выше, и там, на сотнях метров над уровнем льда, проводил измерения, летел прямо, потом опять кружился — пока, как мне казалось, метеоролог не наиграется... Ну или пока он не начнёт примырать ко льду. Тогда **беспилотник** принимался, а довольный метеоролог, кряхтя, поднимался и отряхивался от снега, успешного его уже порядком замести.

Ветером, за чашкой горячего полярного чая в кают-компании, метеорологи рассказывали женской половине экипажа о своих «боевых вылетах». Рассказывали о том, что кроме знаменитого океанического течения Гольфстрим, от которого зависит климат Европы, есть ещё и воздушное течение **Джикстрим**, от которого зависит климат во всём северном полушарии.

На высоте десяти километров, течёт и течёт, полукругом огибая Арктику, эта широкая — в сотни километров, стремительная — в сто километров в час, воздушная река.

В наше время глобального потепления, **Джикстрим**, как и река в засуху, мелеет, превращаясь из широченной, в сотни километров, реки, во всё более и более...

Разговор в кают-компании продолжался до полночи. Потому что нигде не бывает так уютно как на полярной кухне. Внутри шум чайника, смех, и еле слышно как на нижней палубе работает дизель генератор. А вокруг воет метель, потрескивают льды, и где-то в вышине несёт свои стремительные ветры таинственный **Джикстрим**.

Книга льда

Я тоже хотел рассказать что-то интересное в кают-компании. Но я - гляциолог. Моя работа проста. С почти рыбачьим колдовством на плече я выхожу на свою смену. Ищу намеченное накануне место, стачкаю цилиндр колесоворота в лёд и верчу ручку, бурю на нужную глубину. Потом аккуратно вынимаю и бережно несу на корабль оставшийся в цилиндре лёд. Чтобы там, под микроскопом, изучить его структуру.

Я вижу, что лёд похож на само, полное микроскопических воздушных камер. Лёд — пухоное одеяло океана. Чем больше в нём пусто, тем одеяло «душистая», теплее. От этого зависит и температура океана, и скорость таяния самых льдов. Когда лёд тает — открываются все микроскопические камеры, хранящие воздух со времён мамонтов. Выходит наружу древние микроорганизмы — весь этот замороженный древний зверинец, микроскопический "Парк Юрского периода". Возможно именно в этом куске льда ждёт своей размерности какие-то новые виды **космохимиче**сских водных медузелей-тысячелет или, полыхая на инопланетных чудилих, **колосараток** или, ещё более микроскопические, бактерия, или, ещё более микроскопическая, вирус.

Каждый раз, выбрасывая кусок льда за корму, я думал: лишаю ли я человечество какой-то полезной микрофлоры или, наоборот, спасаю его от эпидемий. Впрочем, лёд тает и без меня, освобождая, возможно ещё живые, древние микроорганизмы. Об этом я и рассказал в нашей кают-компании... И, как это называют в народе, «накаркал».

Путь назад

О новой эпидемии мы узнали по радио. Сидя в радиорубке, мы, как и всегда с фронта, прислушивались к новостям о том, что **коронавирусы** захватывают всё новые и новые страны. Я чувствовал себя в каком-то апокалиптическом фильме, где в живых остаются лишь несколько главных героев, укрывшихся в безлюдной Арктике от глобального конца света.

Слушая эти новости, я, то и дело, недоверчиво поглядывал за корму — как знать, может это какой-то древний вирус из разбитых мной ледяных цилиндров... Может, именно оттуда их выдул арктический ветер или принёс в северные рыбацкие посёлки медведь-путешественник...

И хотя это были, конечно, фантазии, одно я понял тогда очень ясно. Даже не понял, а почувствовал — как всё вокруг взаимосвязано. Как всё соткано, сшито воедино нитками морских и воздушных течений — **джикстримов**. Как всё составлено мозаикой дрейфующих панцирей льда и континентальных плит, открывающих в разломах путь извергающейся лаве. Как события планетарного масштаба зависят от баланса микроскопических организмов и вирусов, от внимательности учёных в лабораториях вирусологии и гляциологии, от работы медиков и метеорологов, и от моего ощущения всего этого.

Я возвращаюсь на Дюймовочку. И как мне позавидовали, когда я был в море. Мы оба были морями.